

Слава Сэ Последний сантехник

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14838940
Последний сантехник: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-084073-1*

Аннотация

Он по образованию психолог, но работает сантехником. Он умеет играть на гитаре и выступает с концертами в театре. Он один из самых известных ЖЖ-блогеров. И с некоторых пор он еще и писатель. Таков Слава Сэ. Его первая книга «Сантехник, его кот, жена и другие подробности» разошлась тиражом свыше 100 000 экземпляров.

Он покоряет читателя удивительными житейскими историями. В них есть – тонкий юмор, знание жизни, свой, особенный взгляд на события и свой неповторимый стиль. «Последний сантехник» – новый сборник Славы Сэ, от которого просто невозможно оторваться!

Содержание

Пожарная история	5
Чего боится французский повар	8
О пользе сомнений	10
ГАЗ-52 как средство совращения	12
Рыба в углу	15
Из дневника молодожёна	17
Пара слов о совершенстве	20
Финляндия	22
Бельгия	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Слава Сэ. Последний сантехник

© Слава Сэ, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Пожарная история

На въезде в Юрмалу стояла когда-то женщина-инспектор, имевшая форму куба. Большой серый квадрат был её проекцией в фас, в профиль и сверху. С ней любой тротуар становился блокпостом. От одного её взгляда поток машин тормозил, а от насупленных бровей даже пятился немножко. Несмотря на весь внутренний бетон, эта женщина подтягивалась десять раз и три километра пробегала за пятнадцать минут, подобная цветным парусам корабля. Протоколы аттестационной комиссии были тому порукой.

Раз в год все сотрудники МВД проходят аттестацию. Дворники, секретари, бухгалтеры, пожарные войска, все подтягиваются, отжимаются и бегают очень ловко, судя по документам. Минуточку, скажете вы, услышав слово «пожарные». А кто тогда приезжает на красной бочке к концу фейерверка, писает на головешки, путается в шлангах и перемещается плавно, будто в рапиде? Кто эти милые, неловкие пупсы? Это они и есть! Благодаря сложной системе взяток даже беременный брандмейстер по документам быстр и пластичен.

* * *

Пожарный Борис (115 кг) однажды нагрубил начальнику и был вынужден сдавать бег на стадионе, по-честному, в самой унижительной форме. Начальник был злопамятным садистом, взятку не принял. А у Бориса только глаза и трепет от стремительной серны. Всё остальное от кулебяк и блинчиков. Его творческое кредо: «поспешешь – расплещешь суп». Борис упрямился товарища пробежать вместо себя. «Только хорошо беги!» – сказал он. Товарищ был тощ и стремителен. Даже слишком стремителен. После аттестации Борис пришёл на работу. Коллеги его приветствуют, улыбаются, руку жмут. На стене Борисов портрет, поздравление со вторым местом и пожелание успехов на чемпионате мира.

* * *

Прежде Борис даже в соседний подъезд ездил на машине. Медленно и с сигаретой. А тут стал бегать по утрам. Первые десять шагов давались легко. Потом вдруг заканчивался воздух. Борис садился, ложился, вставал, снова садился. Он готов был подкупить природный катаклизм, лишь бы отвлечь судей на чемпионате. Но знакомых торнадо, тощих и стремительных, у него не было. Коллега посоветовал прыгнуть с лестницы-стремянки в унитаз. Вероятность перелома ноги при этом, в зависимости от высоты прыжка, достигает семидесяти процентов. Главное – прыгать не головой вперёд, а именно ногами. Сам знакомый не пробовал, но один майор из военкомата очень рекомендовал этот метод.

* * *

Бориса не устроил бы перелом унитаза. Лишних у него не было... но можно было прыгнуть на работе или в гостях. К унитазу легче, чем к ноге, можно подобрать протез или китайский аналог. Так, размышляя о связи спорта с туалетами, Борис вдруг сочинил простой и действенный метод. Можно просто запереться в кабинке с унитазом и не выходить, пока конкуренты не набегаются. А потом свалить всё на «перелом» задвижки, замка, шпингалета – что там попадётся. Дескать, нелепая случайность оборвала карьеру.

В голливудской экранизации история Бориса начиналась бы с голых торсов. Жара, пожарный участок, парни друг на друге пересчитывают кубики пресса. Иногда тревожно смотрят вдаль. Потом дым, пламя, все бегут, выносят из пламени котёночка или Шарлиз Терон.

Киношный Борис был бы добр и не слишком спортивен. У него на животе всего пять кубиков, но именно его по ошибке отправляют на чемпионат. Он идёт топиться, но встречается на берегу бывшую чемпионку по бегу, бабу вредную и красивую. Начинаются тренировки. Весь второй акт женщина насилует Бориса, сперва презрительно, потом любя. Главный забег он проигрывает, но в финале догоняет горящий поезд, спасает людей. Ты бежал божественно! – говорят пассажиры. Чемпионка целует героя в выпавший на плечо язык.

* * *

Настоящий Борис бегал по тихим улицам с частными домами. За месяц тренировок получил несколько собачьих укусов и никаких навыков. Приехал на чемпионат – все соперники жилистые, длинноногие. Только коллега из Польши похож на Бориса, такая же вспотевшая жертва бюрократии. Их обоих застучали в туалете за попыткой сломать щеколду. Пришлось идти соревноваться.

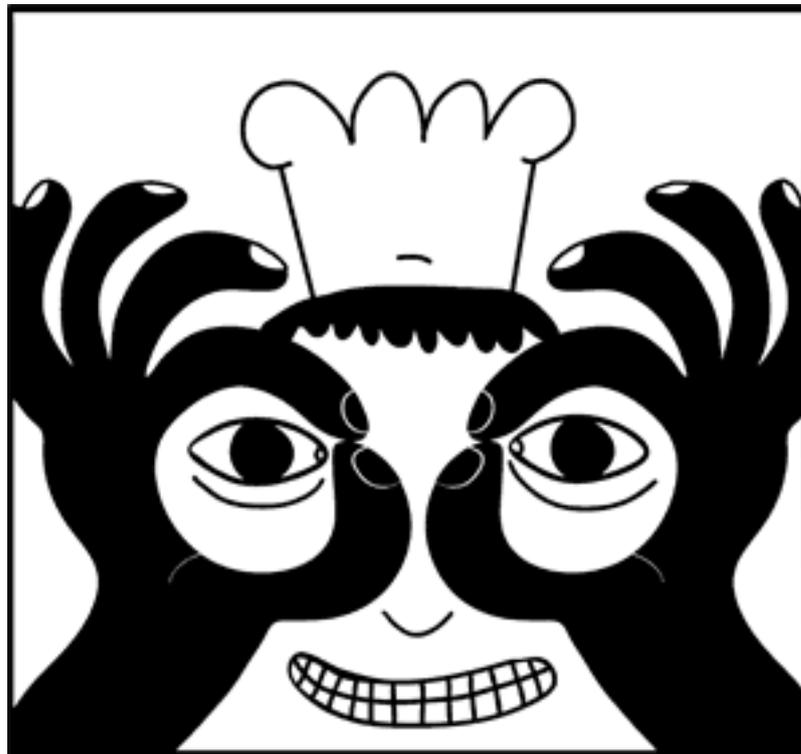
На десятом метре поляк упал. И само падение, и мука на лице были хорошо отрепетированы, многие поверили. Борис не растерялся, кинулся к упавшему. Помог встать, подставил плечо. Целый час они ковыляли к финишу. Стадион аплодировал. Отказаться от победы, спасая незнакомца – это так по-нашему, по пожарному, – говорили зрители.

* * *

Спортивные успехи не вскружили Борису голову. Наоборот, он помирился с начальником и получил старшего сержанта. Обещал покатать меня на пожарной бочке, которая венец

красоты. А если захочу, он добудет справку с подробным описанием моего пресса и героических подтягиваний. Замечательный мужик. Побольше бы таких.

Чего боится французский повар

Однажды в Латвии пропал бензин. Это как-то связано с независимостью, приходит одно – пропадает второе. Автомобилисты сбивались в стаи для слежки за бензовозами. Под подозрение попадали даже ассенизаторские бочки. Стоило одной припарковаться, собирались граждане, спрашивали, что внутри. Самые недоверчивые требовали доказательств. Налейте им в ведро, убедитесь.

Бензовозы вели себя как привидения. Выпадали из сумрака в случайных кустах и тут же *развоплощались*. Они боялись бандитов, полиции, друг друга и покупателей. Некоторые продавали крутку с запахом бензина, бывшую на деле эссенцией из старых тряпок, или ещё какой тыквой – всемирным эквивалентом разочарования. Например, я однажды купил двадцать литров жидких коричневых кристаллов.

В том году мне нравилась Лена. Она была прагматиком, но согласилась прокатиться со мной на край земли. Удивительно доверчивы бывают женщины, шлёпнутые в сумерках по попе. С моим автомобилем ВАЗ-2104 краем земли могла оказаться любая канава. Мы проехали девять километров, развернулись и – скорей к цивилизации – покатали назад. Автомобиль чихнул нехорошо, потом ещё. И вдруг потерял сознание. Я в те годы не боялся ни красивых женщин, ни поломанных машин. Поцеловал Лену, открыл капот, проверил искру, насос, разобрал карбюратор. Оказалось, коричневые кристаллы забили поплавковую камеру. Вычистил их, собрал карбюратор, проехал триста метров, встал, опять разобрал, вычистил, проехал, встал – и так тридцать четыре раза.

Было холодно, Лена расхотела кататься. Она с первого раза оценила мою техническую грамотность. Следующие тридцать три остановки казались ей ненужным хвостовством. Её голова кружилась от нашей близости. Я не просто пах бензином. Я говорил как бензин, думал как бензин, улыбался как бензин. При мне страшно было курить. Это называется,

вроде бы, синестезия – иллюзия клубничного запаха при виде клубники. При последующих наших обеих встречах Лене всюду мерещился нефтеперегонный завод. Отношения не заладились. Жаль. Потому что человек я, в общем, неплохой.

Квартирные вору тех лет первым делом вычищали холодильники. Президент обещал отпилить Латвию от Евразии. Он говорил, что мы свободный народ, на вёслах можем догresti до Гудзона и там притвориться небольшим культурным островом.

В соседней Эстонии некий ресторан нанял французского повара. Тот определил по карте, что едет в СССР. Он знал о главных русских изюминках – Мафии, Морозе и Медведях. Ещё Наполеон писал об этих факторах как очень запоминающихся. Самолёт привёз повара в Ригу. Навстречу из Таллина выехал водитель. Неразговорчивый, но сообразительный, с запасной канистрой. Перед самой границей водитель заехал в лес и закопал топливо. Не доверял таможене.

* * *

По-французски эстонец умел только табличку поднимать – M. Michel Godefroi, chef. Зато табличка была прекрасна. Другие оторвут картон от ящика с бананами, или вырвут из блокнота, или от рулона в туалете. Напишут ручкой и встречают. Эстонцы же приготовили настоящий ксерокс на палочке. Сразу видно, солидная фирма. Водитель накормил гостя в ресторане, почти насильно сводил в туалет. Триста километров всё-таки. В дороге попутчики улыбались друг другу. Иногда повар делал вежливые наблюдения: У вас чудесная погода... В России красивые женщины... Как много деревьев, это тайга?.. Улыбнитесь, если ваша тёща – вурдалак...

Эстонец в ответ прилежно улыбался. Казалось, сам звук французской речи ему сладок. Въехали на Родину. Свернули в лес. Водитель улыбнулся шире прежнего. Он планировал объяснить мимически «у меня в лесу закопана канистра, надо заправиться». Француз заметил и лес, и странную дорогу, и блеснувшие в бороде попутчика зубы. Такой оскал мог значить что угодно, от «сейчас наша любовь осуществится» до «вот мы и приехали, говорливая французская булочка».

На мрачной поляне, среди тёмных елей машина встала. Водитель достал из багажника лопату, стал копать. Он был похож на Мафию и Медведя одновременно. Подмораживало, пасьянс сошёлся. Убивать повара, конечно, было незачем. Но у русских ни в чём нет смысла. Мы сами смысл уничтожаем, если находим. Абсурд – вот настоящая наша национальная идея.

Пахло лесом и стылой землёй. Повар приготовился драться портфелем, как только упырь протянет руки к горлу. Водитель выкопал яму, вынул из земли канистру, залил бак, вытер руки салфеточкой, сел за руль и зевнул протяжно. Дальше ехали молча. Снова улыбались.

Примерно через неделю раздражённый северной спецификой повар остро пошутил:
– Зачем вы строите ресторан? У вас земля родит бензин уже в канистрах! Накопайте и живите счастливо!

Никто его не понял. Какой, подумали, дурацкий юмор у французов.

О пользе сомнений

Виолончелистки так трясут смычками, сидя на своих виолончелях, что можно заслушаться и незаметно для себя развестись. Женатым мужчинам непросто вырывать себя из лап искусства. С другой стороны, пианисты с длинными пальцами провоцируют убийства из ревности. Поэтому частный сыщик Андрей избегает классическую музыку. Планируя светский раут, он приглашает лауреатов фестиваля Выдропужский Бард-96. И, конечно, покупает много водки. В трезвого Андрея такая музыка не лезет.

У Андрея красивая жена и дом, мебель в царском стиле. Без шумных праздников в таких местах заводятся привидения. Когда приходят барды, привидения разбегаются. Ещё один плюс – они работают за салат.

Я сказал Андрею, что не пью. Как частный сыщик, он хотел сбить меня с ног и обыскать. Но как радушный хозяин сказал только, что это странно. Трезвый бард не аутентичен. Есть в нём какая-то фальшь. Не пьёшь – ступай к баптистам. Андрей приравнивает трезвость к вандализму и разрушению основ. Несколько моих лирических песен подтвердили худшие его предположения.

Чтобы как-то отвлечь хозяина, я попросил рассказать о жизни частного детектива. Многие люди добреют от собственных речей. Любовь к совам, например, целиком основана на этом феномене. У сов такой понимающий и равнодушный взгляд, что хочется рассказывать ещё и ещё. Ради мира и понимания я собирался стать его совой в этот вечер.

Андрей рассказал о своём друге, бойце спецназа. Друг охранял банк. Однажды врываются тридцать омонцев в масках. Друг сначала сдался, потому что ОМОН дан нам свыше для тренировки смирения. Вдруг один омонцев хрясь!.. – и ломает другу ногу. Ломом. По этому поступку стало ясно: пришли бандиты. Специально переоделись, чтобы ноги

людям ломать, не вызывая подозрений. Друг с помощью одной тибетской ментальной техники отключает боль. И тут же, не вставая, убивает шестнадцать человек. Голыми руками. Выжившие четырнадцать бежали, побросав ломы.

Всего на счету друга двести убитых противников. Приблизительно. В Латинской Америке он штурмовал одну тюрьму и сбился со счёта, настолько быстро продвигался. Сейчас друг работает массажистом в Москве, вправляет шейные позвонки. Обычный такой парень из спецназа. Нормальный. Так сказал Андрей и покосился на мою пустую рюмку.

В следующей истории сыщик вспомнил, как помогал ворам восстанавливать порядок в стране. Однажды правительство выпустило из тюрем батальоны молодых беспредельщиков. Дойных бизнесменов на всех не хватало и беспредельщики объявили войну. По городу ездили БМВ со станком для сверления коленей – столько было срочной работы. Воры собрали боевые отряды для восстановления справедливости. Назывались эти отряды красными бригадами, в шутку. Три года в лучших ресторанах и банях Прибалтики не затихала пальба. Сейчас, спасибо в том числе Андрею, все беспредельщики залиты в бетон, лежат на дне Даугавы в железных бочках. Жалко их. Нормальные, в общем-то, обычные ребята. Андрей снова на меня покосился.

А его родной дядя – синий от наколок, как эфиопский негр, – живёт в приюте, в маленьком городке на западе Латвии. Он безногий, но за поясом заточка. Ездит на тележке по району, как шериф. Когда местный пацан выхватил у дяди кошелёк, дядя остановил мальчика заточкой в колено. Раз в месяц Андрей подкидывает дяде деньги, а тот врёт местным, что племянник летает на вертолёте с охраной. «Это у вас генетическое», – подумал я, но виду не показал. Наоборот, одобрил рассказ. Сказал:

– Правильно, что в колено. Не напильником же в печень. За какой-то кошелёк.

– Откуда ты знаешь про напильник в печень? – спросил Андрей и прищурился. С его точки зрения, розовые пони не могут знать фольклорных подробностей. Хотя ещё у Лермонтова было: «...напильник в печень я воткнул и там два раза повернул». Как-то так. Я скромно упомянул детство без солнца и юность, полную ошибок. И сплюнул с таким видом, будто с трёх лет бомблю прохожих.

– Зашитый, что ли? – спросил Андрей с надеждой. Я кивнул и тут же стал нормальным человеком. Не таким обычным, как его знакомый генерал полиции, которого охраняют 150 чеченских автоматчиков. Но всё-таки, моё девиантное поведение стало объяснимым. Мы спели несколько уголовных песен и почти подружались. Для окончательного сближения пришлось бы кого-нибудь зарезать, но я не чувствовал себя настолько одиноким. Расстались по-приятельски. Договорились ещё встретиться. Ведь каждому приятно иметь среди знакомых каких-нибудь странных, необычных людей. Параллельные миры должны дружить, мы считаем.

* * *

Американский какой-то психолог помогал параноикам встраивать их уникальный бред в серую действительность. Ну, летают вокруг человека бабочки, пусть летают, – говорил психолог. Самый простой способ избежать электрошока – не рассказывать друзьям о своих бабочках. Не помню подробностей, но вроде бы психолога того посадили. Потому что единственно правильную картину мира и вообще критерии истины нам назначают сверху самые главные параноики. И это очень, очень жаль.

ГАЗ-52 как средство совращения

Подумав хорошенько, я решил соблазнить Юлю. Я был готов даже жениться, если ситуация выйдет из-под контроля. Юля не была сиротой. У Юли были братья, мать и прочие минусы. Но все они меркли в сравнении с бабушкой. Сколько раз я вскидывался по ночам с криком «ах, зачем ты не внучка дракона!» Уж с драконом бы я подружился.

Мы были молоды. Я представился гитарным педагогом. Юлин диван прекрасно подходил для саморазвития. Бабушка обещала не мешать. Выходя, она сама закрывала дверь. Но тут же врывалась с каким-нибудь срочным делом. Поливала цветы, спрашивала, какое число, просила завязать передник или прочитать «бензоат натрия», написанный слишком мелко для старого человека. Я не мог нащупать границы Юлиных музыкальных способностей. В этой атмосфере травли и недоверия приходилось вновь и вновь начинать с основ аппликатуры. Мы давно сыграли бы полонез или даже полечку, будь у нас немножко хлороформа. Но бабушка по бдительности превосходила многих пограничных собак. Она хотела протащить на диван своего фаворита, руководителя кредитного отдела Василия. Именно в Васиных потных ладонях, с одобрения семьи, должна была утратить Юля свою наивность в вопросах музыки. После меня же бабушка пылесосила диван, собирая молекулы распада и деградации. Я был в тот год водителем грузовика.

Я спросил у Юли прямо, умеет ли она водить ГАЗ-52. Она в ответ покраснела, грудь её налилась от волнения. Грузовик – известный источник пороков. В тесной кабине не будет бабушки. А кто посетит ГАЗ-52, тот никогда уже не станет прежним. Юля задумалась. Тут снова ворвалась бабушка, спросила, какой суп варить. Юля выбрала фрикадельковый. Старушка кивнула, заложила круг и снова спикировала. Мы опять уже сидели ровно, руки

на виду, пуговицы застёгнуты, смотрим на бабушку. Она спросила, не видели ли мы её очки. После этих посланных небом знаков Юля повернулась и сказала твёрдо: «Я согласна!»

ГАЗ-52 был некрупным грузовиком, беспородным и добродушным. На первой скорости он разгонялся до пяти километров в час. При торможении смешно тряс попкой. На первых трёх скоростях он пел «а-а-а», на четвёртой гудел «у-у-у». У него было четыре педали, пуск производился нажатием сразу трёх. К моему удовольствию, у Юли оказалось всего две ноги. Я вручную управлял её ступнёй. Положение наших тел при этом не смогли бы оправдать уроки никакой музыки. И уж подавно нас не одобрила бы бабушка. Мне и теперь приятно подозревать, что Юля намеренно глушила машину раз за разом.

– Вот я неловкая, опять нечаянно заглохла! – говорила она без тени раскаяния.

Уже на втором занятии мы включили вторую скорость. В обычном, а не в хорошем смысле. Обучение проходило на заброшенном аэродроме. Взлётная полоса не казалась Юле достаточно просторным местом. К тому же там и сям стояли авто с запотевшими стёклами. В них в разных позах учились ездить жертвы других бабушек. Если какая машина вдруг ехала навстречу, Юля выпрыгивала вон из кабины. А мы с ГАЗ-52 катились дальше. Даже съёмка в рапиде не запечатлела бы Юлин прыжок. Вот она есть, а вот её нет. К пятой поездке я научился ловить Юлю за хлястик и втягивать на место. И поверьте, поймать хамелеона за язык проще.

Я предложил вернуться к менее громоздким видам транспорта. Например, к велосипеду. Показал, как твёрдо и нежно поддержку Юлю за центр тяжести. При встречных велосипедистах она смогла бы соскакивать прямо на меня. Мне будут дороги ушибы и переломы, нанесённые её молодым телом. За нами будут гоняться весёлые собаки. А в случае недлинной юбки и мужчины побегут, забавно свесив языки. Наши тела окрепнут. Хороший велосипедист, я слышал, может подпрыгнуть на метр, оттолкнувшись от седла одними ягодницами.

Но Юля отказалась. Её уже пьянили скорость и расстояние. Вот ты здесь, а через десять минут уже проехал километр.

Тогда я сказал:

– Юля, прекрати выпрыгивать на ходу. Однажды мы включим третью скорость. Вокруг бетон и твёрдые столбы. При следующей встречной машине останься со мной, и я отвезу тебя на край аэродрома.

Юля снова отвердела грудью в ответ. Она пообещала быть отважной, чего бы это мне ни стоило. Вот бы мне тогда задуматься.

В армии я служил инструктором вождения. Мой лучший воспитанник ефрейтор Аликулов научился писать задним ходом слова «ДМБ 89», пятась по заснеженному полю на тягаче с прицепом. За пять дней занятий и немножко побоев Аликулов отрастил вибриссы и прекрасно ими ориентировался в пространстве. Но куда большую гордость я пережил, когда Юля вдруг поставила грузовик на два колеса. Она же, первая в Латвии, выжала из ГАЗ-52 нелепые 90 км/ч. Никому раньше не приходило в голову так издеваться над пожилой техникой. Юля показывала поворот куда попало, а задний ход применяла исключительно для разрушения и убийств. Она называла вождение грузовика своим призванием. Она с самого утра рвалась за руль. Говорила только о машинах. Пыталась даже выписать журнал «За рулём».

* * *

В моих мечтах всё было иначе. Проехав круг по полю, мы должны были припарковаться в кустах. Я бы рассказал волнующую историю из жизни опытного гонщика. Закат при этом догорал бы, отражаясь в Юлиных глазах лучиками счастья. Я бы погладил её бедро в знак поощрения. В финале мерещился треск пуговиц на блузке.

На деле мы скакали по полям и пляжам, распугивая птиц и зайцев. Мне не хватало ладоней для поглаживания всё равно уже чего. Я держался за поручень всеми руками и боялся открыть глаза. Слово «бедро» вспоминалось лишь в связи с терминами «перелом», «открытый перелом» и «оторвало». Любовь оказалась довольно изнурительным занятием. А сколько в ней опасностей!

* * *

Мне скоро захотелось одиночества. Понимая, чем рискую, я отвёл машину в мастерские. Там её признали годной, несмотря на следы изнасилований. За очень дополнительные деньги слесарь обнаружил дефекты, требующие хотя бы недели ремонта. В благодарность я разрешил ему прокатить на ГАЗ-52 какую-нибудь женщину. Это лучшее средство от одиночества, сказал я.

* * *

– Ты пешком? – спросила Юля ледяным голосом. Мы сидели в разных углах дивана и смотрели в разные стороны. Без грузового адреналина её всю крутило и ломало. Микро-движениями рук и ног Юля выигрывала ралли Даккар. Ожидаемо вбежала бабушка. Сказала, что в гости едет Василий. Он купил «мазду», все приглашены восторгаться. У Юли вспыхнул взгляд, не суливший «мазде» ничего хорошего. Юная японская машина ещё не приехала, а дни её уже были сочтены. Отрыв органов, *побиение* камнями и прочие эротические игры – вот что её ожидало. Я встал, попрощался и вышел. Никто не заметил моего отплытия на фоне швартующегося Василия. Больше мы с Юлией не виделись. Её бабушка только врывается иногда в мои сны, грозит рулём от подъёмного крана и кричит что-то насчёт растления.

* * *

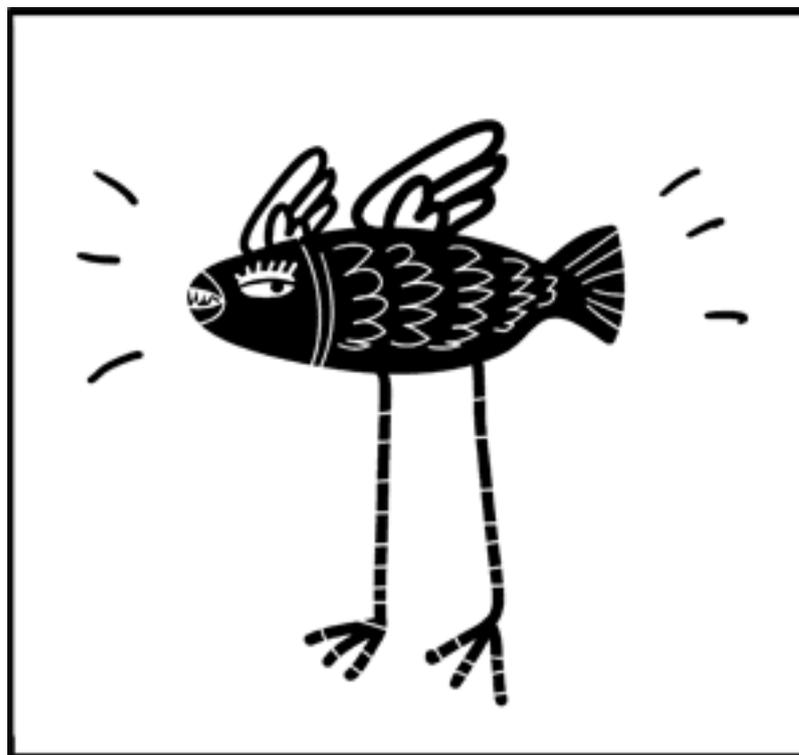
Я знал девушек красивей. Многие были настолько умны, что никогда не просились за руль. У некоторых было по два крыла с надписями «доброта» и «ирония». Такие терпели меня дольше обычного. И всё равно скучаю иногда по любви без тормозов, дикой и стремительной, как ГАЗ-52.

Иногда.

Не сильно.

Но скучаю.

Рыба в углу

Ляля неосторожно увлеклась скульптурой. За полгода натворила целый мешок шедевров. Художественная школа упаковала продукцию вместе с табелем, велела тащить домой. Ляля шла, звеня по асфальту своим творческим наследием. Неожиданно путь пролёг мимо снежной горки. В голове родились кой-какие гипотезы по физике тела, летящего верхом на мешке керамики. Пришлось проверить.

Лялино творчество не грешит фотографическим сходством. Знаменитую кубическую собаку бабуля до сих пор считает портретом чайника. После трёх спусков с горы Лялино творчество превратилось в глиняный оливье. Спаслись только кувшин и необычный голубой кастет. И тот после авторских пояснений оказался рыбой. Зрителю представлен спинной плавник, остальное туловище в воде. Но плавника достаточно, чтобы вообразить жабры, печальные губы, характер и даже цвет глаз подводной твари. Эту рыбу легко узнать, пользуясь подсказкой «она – не кувшин».

Ещё сохранился крупный осколок тарелки с портретом уха. Раньше это был профиль целого императора. По уху видно, какого страшного мастерства достигают дети вопреки усилиям педагогов. Однажды Ляля станет великой, и я поменяю рыбу, ухо и кувшин на домик в Провансе. Там тихое море и тепло по самый ноябрь.

* * *

Мы не боимся зарости искусством за шесть лет, оставшихся до выпускного бала. В нашей новой квартире есть чердак, позволяющий хранить даже крупные формы. Сейчас на нём хранюсь я, например. В западных окнах видна гоночная трасса, в восточных – больница. Линия, соединяющая спорт и здоровье, пролегает ровно мимо моего подъезда. С нетер-

пением жду начала сезона, когда весёлые санитары помчат на носилках дерзких смельчаков, королей бампера и турбонаддува.

* * *

Кроме чердака, в квартире полно закоулков и таинственных шкафов. Вещи перемещаются по ним хаотично, никак не угнездятся. Гладильная доска нашлась после покупки новой, а утюг так и сгинул. Зато кот размножился и встречается везде. В коробке для сапог, в кастрюле, в ящике из-под пылесоса. За чем ни пойдешь, он уже там, с довольной рожей. Кажется, он съел и сапоги, и пылесос.

Раньше тут жил профессор математики. Эргономику помещений он рассчитал через комплексную экспоненту тригонометрических функций. Ничем иным нельзя объяснить бесконечное вращение воды в унитазе с центробежным разбрасыванием тяжёлых фракций вместо привычной ниагарской системы слива. Понимая, что нужны ещё варианты, профессор установил унитаз № 2 ближе к выходу. Этот сливает нормально, но управляется трамвайным рычагом, имеющим со сливом чисто эзотерическую связь. На бачке лаком для ногтей намалёван криптографический чертёж, схема управления. Мы не можем её расшифровать, дёргаем как попало – и многое удаётся.

Главный санузел имеет два хода. Ближайшая дверь всегда закрыта, каких алгоритмов ни применяй. Дёрнув за ручку, нужно бежать в обход, изнутри перезапереть обе двери, чтобы никто не вошёл. После процедур надо обе же открыть, потом снаружи проверить, всё ли правильно. И всё равно ближайшая дверь всегда заперта, с какой стороны ни подойди. Мы бегаем, дёргаем, стены трясутся, кое-где уже трещины пошли. Привычно плюнув на ближайшую дверь, ты бежишь в обход и получаешь полотенцем по морде за несвоевременный врыв. Непонятно.

* * *

Квартира вредничает, не привыкла к нам. Печка жжётся, свет не включается, в коридоре дует, в раковине брызжет. То ли дело предыдущий дом, простой и логичный. Дверца холодильника там закрывалась плечом и коленом, потолок протекал точно в тазик, мусорное ведро хранилось на балконе, потому что кот вандал. И если душ вдруг окатывал гостя холодной водой с эффектом массажа, значит, ручки управления не были повернуты так, чтобы складывалась буква «ипсилон». Кто не проверил, тот сам виноват и ходит мокрым. Лёгкая, налаженная жизнь.

* * *

Ещё здесь завёлся телевизор. Передаёт страшный шторм по всем каналам. Стараемся не включать. Ночью с десятого этажа сосны как волны. И мы будто гребём куда-то на шлюпе сумасшедшего математика. Нам не дано перевоспитать всё это море. Мы можем только махать вёслами и коситься на спинные плавники подводных гадов, похожие на кастеты. Но если доплывём, то и тысячи спасутся. Так дедушка Серафим сказал.

Из дневника молодожёна

Три казачки за обедом могут перепеть взлетающий самолёт. По их мнению, шум есть жизнь. Ветер в степи, кузнечики, жаворонки, человек едет, песню орёт. До горизонта не докричишься, проще жест показать. Но люди всё равно кричат, потому что оптимисты. В южной речи нет информации. Там из слов слагают тосты, враки и хвалебные истории. В этом смысле речь удобней рогов и хвостов. Она не перегружает череп и не цепляется за ветки. Ещё южане поголовно разбираются в арбузах, любят жару и умеют спорить о вещах, в которых не смыслят, на языках, которых не знают. Я и сам такой. С детства деформирован.

* * *

А Дашины родственники – северяне, лесные тихони. Всегда прислушиваются – не треснет ли ветка. Они знают, что от шума еда разбегается. А серый волк, наоборот, может прискакать. Голос подают лишь в крайних случаях. На любой вопрос отвечают бровями. Если их обнять, они краснеют и улыбаются, как Моны Лизы.

И те и эти пришли на нашу свадьбу. Слева сели мои гости, справа Дашины. Мои сразу начали праздновать. Разлили, выпили, спели про коня и Галю. Потом начались истории. Например: тётя Люда очень эмоциональна. Споткнулась и ахнула так, что у мужчины на остановке случился сердечный приступ и дети заплакали неподалёку. Тётю Люду нельзя сажать в машине на переднее сиденье. Она хватается за руль. Никто другой не спасёт мир так же эффективно, считает она.

* * *

Всего у меня шесть тётъ. Дед, Гаврила Степанович, хотел сына. Бабушка, Анна Тимофеевна, не видела связи между полом ребёнка и числом попыток. Но дед однажды поборол корову и отдубасил кулачищем, за непослушание. С тех пор бабушка принципиально с ним не спорила. В свободное от дедушки время она разводила кур, гусей, индюков, коров, поросят и уток. Двор был её ковчегом. Когда мимо бежала дочь Надя, бабушка кричала:

– Саша, Маша, Тая, Таня, тфу, Надежда, причешишь!

А ещё были Люда и Люба. Три пережитых войны стоили семи Потопов. В зрелом возрасте бабушка ничего уже не боялась, кроме дедушки.

* * *

Смеются мои тётки одинаково громко. Упирают руки в бока и трясутся, всем телом клонясь в самых опасных направлениях. Сразу видно, им смешно. Никаких хихиканий с закрытым ртом. Если тётки плачут, то от любви. При встречах и расставаниях. От боли плакать у нас не принято. Моя кузина после драки с мужем (кузина победила) сама себе зашивала бровь, глядя в зеркало. Напевала при этом «сняла решительно пиджак наброшенный».

Дослушав до этого места, мама заметила, что муж у кузины – дебил. Не шизофреник, слава богу. Шизофреники склонны к страшным убийствам. Мама их различает, поскольку сама доктор психологии. Возможно, это не свадебная история, вдруг предположила мама. И ловко сменила тему. В детстве ей дарил конфеты один итальянский сержант. Была война, но сержант ничем не выдавал свою фашистскую сущность. Просто квартировал в хате. В далёком Неаполе у него осталась дочка. Сержант называл маму бамбиной, рагаццей и пиколой. Бабушка итальянца жалела. Говорила, хороший человек. За великодушные ей вернули мужа.

* * *

Дед пришёл с войны без конфет, очень недовольный. Шесть лет стрельбы и никаких обнимашек. Трудно было. Не то что сейчас, пять сортов шашлыка на столе.

Дашины родственники до этих слов просто молчали, а тут и вилки отложили. Мама не собиралась укорять. Наоборот, сказала она, хорошо всё так, ешьте, гости дорогие. Но они всё равно переключились на морс.

Свадьбы часто ведут толстые женщины с резкими голосами и диким темпераментом. Я боюсь их самих, их страшных традиций и ужасных конкурсов. Я сам толстый и глупый, зачем мне ещё конкуренция. Работа тамады меж тем тяжела. Гости отлынивают от радости, в лицо называют соревнования дурацкими. Мне довелось испытать зрительское непонимание. Я вёл утренник в доме престарелых. Участники боялись моего напора и норовили не дожить до подарков.

Было это в институтские годы. Сокурсницы предложили влезть в шкуру деда Мороза, бесплатно. Давай, говорят, смех и радость людям отнесём. Как назло, девчонки были хорошенькими. Дружить с такими всего за пять минут позора – удачный размен, подумал я. Проклятое либидо.

Декабрь выдался тёмным и холодным. К богадельне ходил трамвай, весь в подозрительных пятнах. Само заведение напоминало дом привидений. Иней на стенах и окнах, света нет. Как в фильмах, где семья покупает старинный особняк. Рядом парк, плавно переходящий в кладбище. Днём терпимо, семья бодрится. Но по ночам на чердаке слышны голоса и плач. На стенах кровавые знаки. В конце фильма папаша, тихий клерк, убивает топором опасного упыря. Куски грима летят прямо в камеру.

Я сам пришёл в этот дом. Девочки затащили меня в чулан, нахлобучили бороду и колпак. И вытолкнули на сцену. Они слабо представляли устройство праздников. Им казалось, пенсионеры пустятся в пляс, увидев студента в валенках. И ошиблись. Я стоял, источая ужас. Зрители впитали флюид, им тоже стало страшно. Какое-то время мы смотрели друг на друга, мечтая разбежаться. Сокурсницы зашипели из-за кулис что-то насчёт песен и танцев. Дуры. Деваться было некуда, я исполнил несколько па. Без музыки, сам по себе. В родной степной манере. Не понимающие танцев люди полагают, именно так выглядит эпилептический припадок. Сказав какую-то банальность о долгом пути и пропащей снегурочке, я ринулся в зал. Стал приставать к старушкам, даже подмигивал.

– Как тебя зовут, девочка? Зоя Леонидовна? Стихи знаешь? Не молчи, а то заморожу! Не боишься потрогать дедушку, который старше тебя в четыре раза?

* * *

Никогда больше я не был так похож на шизофреника из маминого рассказа. Помню, поклялся никогда и нигде больше не *тамадить*. Но Дашины гости грустили всё отчётливей. Я встал и предупредил собравшихся, что танцев не будет. Зато я расскажу про Дашу. Посмотрите, какая она красивая. А ведь с утра плакала трижды. Всякий раз по новому поводу. На ней и сейчас мокрое платье. Не от слёз. В ней нет такого запаса влаги. Её утро началось в парикмахерской. Даша просила уложить волосы элегантно и скромно. Мастера кивнули и взбили на голове торт. С беседками, розами, жар-птицами. Всё, на что в ответ решилась Даша, – поблагодарить, выйти и разрыдаться.

Пришлось перекрашивать глаза. И огромный, с её слов, размером с астероид обломок чёрной туши упал на платье. И въелся мгновенно. Полились вторые слёзы. От воды с мылом пятно стало темней и больше. За час до загса Даша стирала платье средством для мытья старых паровозов. И плакала, конечно. На свадьбу приехала мокрая, пахнущая химзаводом. Но если не обнимать и не принимать, то отличная девчонка. И давайте уже выпьем, невесте согреться надо, сказал я.

Мои южные родственники сразу поняли, это добрая, ироническая история. В ней полно любви. И какого бы цвета ни была молодая, какие бы пупырышки её ни украшали, я очень к ней привязан. Моя сестра подхватила, рассказала об аддитивной технике смешивания цветов в живописи. Прочие заспорили что-то о половой краске.

Северяне просто кивнули головами. Без перспектив на драку или поломку мебели. Лишь Даша ущипнула меня под столом и улыбнулась. Она вообще никогда не возражает. Только шиплет. Настоящий ангел. И родственники у неё отличные. Внимательно так всё слушают. В общем, удачно женился.

Пара слов о совершенстве

В идеальном мире число женщин и банкиров должно совпадать. Банкиров нужно даже больше, потому что некоторые мужчины тоже хотели бы за них замуж. На всех по-любому не хватит, и правительство ничего не делает, плюя на боль народа. Места роения богачей разоряются. Хватают любых – маленьких, пузатых, без ямочки на подбородке. Невесты специально изучают психологию, повышая свою эффективность до уровня василиска.

Богачей ловят в ресторанах и бутиках, лишая доступа к еде и одежде, пока не полюбит. Причём общепитовские хищницы не охотятся в магазинах. И наоборот, ресторанные не лезут в бутики. Так, мастер по взлому дверей никогда не полезет в окно. Найдёт тысячу нелепых отговорок – тридцатый этаж, зима, нет верёвок, сейф тяжёлый и прочие глупости.

Ресторанная засада требует терпения. Девушки сидят, мнут хелицерами скатерть, пьют шампанское для мимикрии. Если замереть достаточно красиво, любопытная жертва сама подходит, присаживается и убеждает себя, что всегда мечтала о такой грустной фотомодели.

В магазинах всё намного стремительней. Женщина первая подплывает на расстояние броска, как бы оступается, роняет сумочку, падает на банкира. Клиента нельзя сбить с ног, а духи не должны вызывать анафилактический шок. Более того, пациент должен верить, что первым её заметил и проявил агрессию. Это целое искусство.

* * *

Перейдём теперь к психологии богачей. Вот Джек Ма жалуется: люди видят в нём только его миллиарды, а он любит живопись и печёт отличные булочки. У Джека такая депрессия, что массаж австралийскими коалами не помогает.

Наша парикмахер Лиза сказала, что готова полюбить Джека именно за душу. Она чувствует в нём личность. И может обсуждать имажинистов, если Джек пообещает, это приличное слово. Китаец ей, конечно, недоступен. Быть миллионной в очереди других невест Лизе некогда. Но мечта о новом корыте живёт в её душе.

Одна Лизина клиентка рассказала про сына. Перспективный мужчина, на слух. Днём руководит кредитным отделом, а по вечерам, запершись в ванной, мечтает встретить честную, простую девчонку. Искусствоведа или сомелье. От этих слов в Лизе ёкнул орган, ответственный за пеленг принцев. Где сомелье, там и парикмахер, – подумала она. И зафрендмила банкира в фейсбуке. Он вешал статусы о ритмике полутонов в картинах Рене Магритта, о поэтике супрематизма и синергиальной неустойчивости многофакторных систем. «Ага, клёво», – откликнулась Лиза в комментариях. Банкир не отвечал. Непонятно, чего ещё надо этому придире. Видит же, девчонка старается.

Она записалась к нему на кредитную консультацию. И то ли юбка не прикрывала трусы, то ли рано выпал лифчик, но дружба не сложилась. Он никуда её не пригласил. Банкиры невероятно подозрительны. Тогда Лиза придумала кататься под его окнами на велосипеде. Скромные чёрные лосины давали понять – она не вертихвостка. В ней важен не цвет лосин, а их содержание. Четыре аварии и две драки подтвердили верность её рассуждений. А он так и не выглянул.

Мы с Дашей живём рядом. Лиза приехала жаловаться. Очень трудно, говорит, любить бескорыстно. Ноги болят и попу натёрла. А банкир либо гей, либо красота не всесильна. Но лучше бы гей. Иначе для кого она растила это роскошное тело.

Я утешал Лизу, понося богачей с точки зрения брака. На пляже их не оставить, пираньи растащат. Борщ без счёт-фактуры они не жрут, в женщинах ценят кредитный рейтинг. То ли дело мы, литераторы. И выслушаем, и обнимем. И всегда дома.

Даша вмешалась. «Настоящий литератор, – говорит она, – каждую ночь висит в трусах, как привидение, у открытого холодильника и мычит в ответ, о чём ни спроси. Банкир не может быть хуже, потому что хоть иногда надевает брюки».

Я возразил. Белый свет холодильника успокаивает и манит одновременно. Он стимулирует фантазию, необходимую для творчества. Но Даша уверена, только такой, как я, смельчак может решиться назвать творчеством бредни, целиком состоящие из голых задниц. Мои описания не стоят потраченного на них электричества. А я сказал, что настоящим ценителям описание задницы дороже оригинала. Именно поэтому картина Клода Моне «стога» стоит куда дороже самих стогов. В ответ Даша предложила мне вместо ужина съесть его описание. Чисто для тренировки воображения.

Дашина подруга парикмахер Лиза полюбовалась на нашу нежность и поехала к своему банкиру. И уже через полчаса её сбил белый форд с тренером по теннису внутри. Хотя, казалось бы, как может велосипедистка в лосинах отвлечь от управления автомобилем тренера по теннису. Не успели Лиза и тренер встретиться три раза в больнице, как позвонил банкир, спросил, куда она запропала, хотела же кредит брать. Теперь оба ходят в гости, гладят её по гипсу. Вот такая вот хорошая история.

Финляндия

В финском переводе библии первый день творения описан так: Бог создал землю, воду, огонь, дрова и веник. И вечером хорошенько помылся.

Сауна заменяет финнам лето, йогу и некоторые страницы порнографии. Финский патриотизм измеряется в градусах Цельсия, а пятая заповедь у них – «почитай отца, и мать, и баню». Конституция страны выжжена на тазике и описывает устройство веника. Сауны у них везде. В каждом подъезде отгорожен подвал с парилкой и графиком посещений на дверях. Например, квартира № 15 – четверг, с семи до половины девятого. Неявка считается социопатией.

* * *

В Финляндии хорошо пережить осень. Завтракать яичницей, смотреть в окно, следить за работой отопительной системы. По вечерам проходить пастеризацию в обществе женщин, слепленных баней в одно толстое, хохочущее облако.

Мне во всех парилках мерещится поломка градусника. Будто он залип на полпути к правде. Но прибор всякий раз оказывается исправным, а хозяева отказываются выпускать меня полусырым. Законы гостеприимства велят обжаривать людей до золотистой корочки. С кровью нельзя, нет. Только хорошо обугленный гость, уехав, точно уже никогда не вернется.

Мы жили в домике у Кати, невинной жертвы интернета. Финский друг по переписке растлил Катю фотографиями домика с видом на залив. Катя до сих пор иногда для него плачет, чтоб он помнил о своей вине. Финский муж добровольно бегаёт за пивом и обнимает

бесконечную Катину родню. Только к холодрыге ниже ста двадцати градусов он привыкнуть не смог. Демонстративно мылся в свитере, как истеричка. Катя вернула ему право контроля температуры и с тех пор входит в семейную баню как в горящую избу. Вываливается на улицу потом дымящаяся, с ярко-красными глазами. По нечёткой координации и спутанной речи видно: она очень скучает по Родине.

Если Прованс – очевидный рай, то Финляндия – покой и воля. Мастер с Маргаритой там живут, несомненно. Уют, чистота, занавесочки. Можно весь день варить какао, сопеть в чашку, кормить белок. Пейзажи серо-зелёные. Камни, тучи, вода. Северная природа скорей тактильна, чем визуальна. Из бани в сугроб, из-под дождя к огню, ноги намочил – высушил. Животные в этих условиях размножаются страшно. Им не доступен алкоголизм и заняться больше нечем. Для борьбы с действительностью у них только секс. Правительство направляет население по пути белочек. Продажа водки запрещена после шести, по выходным и праздникам. Но люди всё равно пьют. Проклятая неброская красота северных болот.

* * *

Финляндия всосала моего латышского друга Колю. Я бродил по Хельсинки, искал его. Зашёл в магазин, купил себе пиджак, детям лакрицы, напился, прочитал лекцию неграм в городской библиотеке, растлил бутербродом белочку, много всякого пережил. Колю не нашёл. Видимо, он женился и лопает форель в какой-нибудь дальней деревне. По финским меркам он горячий южный парень, пошёл на расхват.

Возвращался в Латвию на пароме – тихом, быстром и безопасном, как Титаник. Билет в спасательную шлюпку мне не продали. Просто посидеть в ней тоже не пустили. Пользуясь случаем, передаю бездушному матросу с толстыми пальцами привет. К его сведению, я понимаю финский по выражению лица и сам он идиот и неврастеник.

На верхней палубе пассажиры праздновали обгон чайки. *Животина* летела параллельным курсом, но не могла бороться с прогрессом. Даже лучшие из птиц в сравнении с нынешними паромами – допотопная рухлядь. Хотели её сбить зенитной бутылкой, не попали. Морское путешествие в наши дни – это две тысячи эстонских гастарбайтеров, йо-хо-хо и корабль алкоголя. Настоящее приключение.

Этажом ниже, в пиццерии, переглядывался с официанткой. Опасность плавания вкупе с невыплаченной сдачей обострили наши чувства. У северянок красивые лица и ноги приятной полноты. Заглядевшись, вспомнил историю любви в неподходящем месте, с моим участием.

* * *

Нужно было ночевать в одной комнате с влюблённой парой. Койки узкие, общежитские, но пара радовалась тесноте. Кавалеру приходилось держаться за гвоздь в стене. Без гвоздя парень падал и увлекал за собой свою любовь. Палец скоро посинел, утром мы его вдвоём разгибали. Но кавалер был счастлив. То был их первый раз. И мой тоже... Впервые чужая женщина при мне разделась и легла в постель. Пусть даже не ко мне. В юности такие мелочи не портят настроения.

Мы погасили свет, пожелали всем спокойной ночи. Не спалось. Вдруг слышу, девушка спрашивает у любимого, чем тот занимается. Он отвечает, что спит. Но по шуршанию слышно – врёт. Она опять шепчет, – как он думает, я заснул или нет. Любимый переадресо-

вал этот вопрос своим гормонам. Те ответили – разумеется, сплю. Тогда юноша пообещал вести себя тихо, а девушка с радостью поверила. И началось.

Я не различаю камасутру на слух, но, судя по звукам, то были позы номер 7, 13 и 28. В моей голове всё рисовалось очень красиво. Наяву влюблённым мешали гвоздь и бесшумный режим. Взобраться на вершину они не могли, остановиться не хотели. За ночь все мы страшно измучились. К утру я нежно полюбил её, а его возненавидел.

На рассвете они дрыхли. Нога этой девушки висела отдельно от остальной композиции. Очень хотелось её поцеловать. Говорят, из-за особого устройства черепа лошадь не видит, во что тычется губами. Так и я подполз тихо, ткнулся – и даже не понял куда. Девочка открыла глаза, посмотрела на меня внимательно и снова притворилась спящей. И ногу не убрала, изменщица. В то утро я из почти ребёнка превратился в участника групповухи. И с тех пор, о чём бы ни писал, даже про Финляндию, у меня выходят только эротические романы.

Бельгия

Все бельгийцы – бюрократы. Представьте: суббота, вечер, латышский дальнобойщик привёз непонятные коробки на завод непонятной химии. Стучит в ворота. Чувствует, до понедельника ему не откроют. Рядом с дверью кнопки. Надписи непонятны, но смысл очевиден: три звонка – столовая, четыре – бухгалтерия, большая красная кнопка – Семён Раппопорт из цеха покраски.

Шофёр жмёт первую кнопку. Никого нет дома. Жмёт вторую. Тишина. Суббота, вечер. Давит третью кнопку. Дверь открывается. Из ангара выходит жёлтая пена в виде элегантного параллелепипеда. Часть пены отваливается, обретает форму человека. Инкуб лепит себе голову, продирает глаза. Потом ещё и ещё выползают Афродиты. Все встают на ноги, идут на нашего шофёра, пугающе широко расставляя ноги.

* * *

При тушении бельгийских химзаводов положено выбрать средство тушения: пену, воду или порошок. Есть таблица специальная, по цвету пламени и звуку разрывов нужно принять решение. Специальный человек бежит и жмёт куда надо. Для тупых и трусов тут же сделаны надписи. А чтобы человек не бился в панике как мотылёк, защитное стекло убрали. Ничего разбивать молотком из автобуса не надо, кнопки доступны всем. В том числе и тем идиотам, которых мы поставляем в Европу из расчёта пять штук на кнопку. Отдельной строкой написано: «И храни нас Бог от тех, кто не умеет читать по-бельгийски».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.